

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуются некоторые результаты деятельности экстраординарного следственного органа – Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства. Автор приходит к выводу, что судьба ЧСК уникальна, а достижения и наработки комиссии не только сохранили свою значимость, но и стали значительно более востребованными и актуальными в условиях построения правового демократического государства в России.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия, юридический феномен, правовой опыт.

Abstract. The article investigates certain activity results of the extraordinary investigative authority – Extraordinary investigation commission (EIC) of the Provisional government. The author concludes that the destiny of EIC is unique, and commission's developments and achievements still remain significant, urgent and necessary in conditions of formation of a rightful democratic state in Russia.

Key words: Extraordinary investigation commission, juridical phenomenon, legal experience.

На протяжении уже нескольких десятилетий правоведы и историки пытаются найти ответ на вопрос: что представляла собой Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) – политический заказ и юридическую фикцию или исторический, политический и юридический феномен?

4 марта 1917 г. Временное правительство учредило Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц Российской империи. Согласно Положению о ЧСК, после завершения своей работы она должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству» и следственные материалы Учредительному собранию.

С первых же дней работы комиссия привлекала повышенное внимание власти, политиков и общественности, которые с нетерпением ждали от нее скорых результатов. 13 мая 1917 г. министр юстиции П. Н. Переверзев заслушал доклад председателя комиссии Н. К. Муравьева о проделанной к тому времени работе и заявил, что «считает теперь все нарекания на бесплодность работы комиссии неосновательными» [1, с. 35].

С целью обсуждения вопроса завершения работы комиссии 1 сентября 1917 г. к Муравьеву обратились с пространной запиской товарищ председателя Б. Н. Смиттен и член Президиума ЧСК А. Ф. Романов. Они отметили, что по ходу следствий возникли новые дела, которые «представляются одинаково значительными как по тяжести исследуемых правонарушений, так и по их общественно-политическому значению», и предложили сгруппировать все выявленные дела по двум большим категориям, одна из которых включала бы в себя отдельные уголовно наказуемые деяния, совершенные предста-

вителями старой власти, а другая, более обширная, объединяла бы все правонарушения, вытекавшие из самого существа прежнего режима, и была бы неразрывно с ним связана [2, л. 82].

Очевидно, что объектом расследования ЧСК все-таки было не банальное преступление того или иного, пусть даже высшего чиновника павшей монархии, понимаемое как общественно опасное деяние, нарушавшее закон. Такой подход должен был неизбежно завести следствие ЧСК в тупик. Главное, что могла и должна была сделать комиссия, – это найти причины порочности самого режима, который привел всю страну к пропасти. Кто и в какой степени виновен за формирование и функционирование административной системы, не отвечающей потребностям общества и человека, – на эти вопросы как раз и предстояло ответить такому уникальному учреждению, как ЧСК. Причем «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима, – подчеркнул Муравьев. – Можно сказать: “те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали”. Вы понимаете, что нам, комиссии, представилось, когда мы пришли к этой мысли, что это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения» [3].

Однако ни одного судебного процесса, кроме сухомлиновского, комиссия так и не провела, «...да и жалеть об этом не приходится: как ни доказывал в своей речи на съезде Советов председатель комиссии правильность юридического подхода, процессы, почти все сводившиеся к “превышению и бездействию” власти, были бы в революционное время просто смешны, – утверждал П. Е. Щеголев. – Общее содержание преступлений сановников первых трех классов – обман народа, и вдруг это огромное содержание оказалось бы замкнутым в формуле бездействия и превышения власти» [4, с. V]. Между тем Б. Н. Смиттен и А. Ф. Романов обратили внимание на то, что в этой ситуации «пришлось бы создавать судебные процессы столь большой сложности, что работа собирания по ним доказательств не могла бы не потребовать огромного напряжения судебно-следственных сил в течение долгого времени» [2, л. 82 об.], – указывали авторы записки.

ЧСК стремилась и готова была поставить целый ряд политических и уголовных процессов, а также применить к части подследственных лиц закон об ответственности в административном порядке. В Президиуме ЧСК было признано целесообразным, во-первых, представить заключения об освобождении от уголовной ответственности тех лиц, уголовные дела которых признаны комиссией «имеющими общее значение лишь для характеристики старого режима и представляются незначительными по свойству предъявленного обвинения», и, во-вторых, передать компетентным «судебным властям по принадлежности для дальнейшего производства на общем основании тех из числа прочих дел, производящихся комиссией, кои не могут быть приведены к окончанию ко времени ликвидации работ комиссии» [2, л. 83].

Следовательно, можно утверждать, что члены комиссии не планировали повального и огульного осуждения своих фигурантов, вопреки укоренившемуся мнению о том, что «они мечтали создать процесс-монстр из бывших министров и других высших чинов империи с Царем и Царицей во главе» [5, с. 89], – утверждал один из подследственных К. Д. Кафафов. Вопреки это-

му утверждению записка Смиттена и Романова как раз и отвечала на вопрос: кого и по какой статье закона конкретно следует привлекать к судебной ответственности, причем без всяких юридических натяжек в угоду политической конъюнктуре?

29 сентября 1917 г. председатель комиссии Н. К. Муравьев сообщил министру юстиции П. Н. Малянтовичу о том, что «работа Чрезвычайной Следственной Комиссии по большинству следственных частей ее может к настоящему моменту считаться закончившейся в первой своей стадии, – определен круг ответственных лиц, установлены предметы обвинения» [2, л. 94]. В связи с этим предстояло решить следующий важный вопрос – о будущем суде. Было очевидно, что дела, расследуемые ЧСК, не похожи на обычные уголовные дела и заключения по ним существенно отличаются от обычных, классических обвинительных конструкций, известных в судебной практике. «Никогда еще история русского суда не знала процессов о носителях власти, столь высоко стоявших в иерархической лестнице, – справедливо отмечал Муравьев, – никогда суду не приходилось высказываться об уголовном значении целой системы управления» [2, л. 94–94 об.].

Таким образом, всю картину последних лет и месяцев павшего режима комиссия старалась рассматривать целиком, комплексно, и в каком-то смысле ее работа с самого начала носила исследовательский характер, что ставилось и ставится до сих пор ей в укор. Принося достижения ЧСК и развивая мысль о ее бесполезности, бывший сотрудник комиссии П. Е. Щеголев утверждал, что, «не чувствуя ни сил, ни возможности выполнить основную следственную задачу, комиссия направила свою деятельность в область, подведомственную скорее ученому историческому обществу, а не чрезвычайной следственной комиссии, – область исторического расследования, подбора письменных и устных свидетельств к истории падения режима. В этой области работа комиссии была много плодотворнее, чем в криминальной» [4, с. XXIV].

Безусловно, в этом выводе есть доля истины. Вместе с тем не следует забывать, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В пику знаменитому пушкиноведу и всем разделявшим его точку зрения Муравьев утверждал: комиссия вела «широкое политическое расследование, <...> мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач» [3]. Отсюда видно, что никакого противоречия или противопоставления исторических, политических или юридических задач в работе комиссии не было и не могло быть. Разрабатывая криминальную юрисдикцию действий высших царских сановников, комиссия параллельно с этим вела своеобразный мониторинг тех же проблем, но уже в историческом и политическом ракурсе. Причем «желание во всем разобраться казалось важнее осуждения или оправдания конкретных лиц» [6, с. 191], – справедливо отмечает И. С. Розенталь.

Обозревая предварительные итоги деятельности ЧСК, нельзя согласиться с А. Я. Аврехом в том, что «гора родила мышь» [7, с. 96]. Если применять это образное сравнение, то правильнее было бы сказать, что относительно немногочисленная группа сотрудников комиссии «выдала на-гора» ценнейшую «руду» не только следственных материалов, но и сопутствующей им интереснейшей общественно-политической информации. Абстрагируясь от этих очевидных достижений, советские исследователи акцентировали свое внима-

ние исключительно на том, что ЧСК по сути своей «оказалась на деле контрреволюционным предприятием, направленным на то, чтобы оградить деятелей царизма от подлинно революционного суда, и в этом причина ее провала» [7, с. 97]. Вместе с тем говорить о провале ее деятельности и о том, что она не довела свою работу до логического конца – до предания суду царских сановников, – вообще некорректно. Степень ее революционности была вполне достаточна и адекватна духу бурного времени перемен. С другой стороны, если бы комиссия стала более «революционной», то очень скоро из ЧСК неизбежно превратилась бы в Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК). Общеизвестно также и то, что комиссия была уничтожена стихией большевистского переворота, так же как и само Временное правительство, учредившее ее, поэтому можно лишь сожалеть о том, что Чрезвычайная следственная комиссия не сказала своего последнего слова, так как разделила судьбу всех начинаний молодой демократической власти России.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что и сама ЧСК, и ее судьба уникальны. Удивительным представляется уже то обстоятельство, что после Октябрьского переворота, когда были сметены все учреждения Временного правительства и даже изъяты из революционного лексикона многие понятия, напоминавшие о прошлом, «муравьевская» комиссия, как это ни парадоксально, продолжила свою работу.

Вместе с тем непреложным фактом является то, что ЧСК не довела до логического конца свою деятельность, а это, в свою очередь, служило и служит главным аргументом критиков в обосновании ее контрреволюционности и даже никчемности. Думается, было бы правильнее считать, что результаты ее деятельности и в еще большей степени незавершенные разработки оказались «несвоевременными мыслями» в эпоху революционных потрясений. Вполне вероятно, что если бы комиссия довела свою работу до конца, то итог ее деятельности, безусловно, послужил бы юридическим прецедентом для состоявшихся и несостоявшихся судебных процессов над тоталитарными режимами, а также для трибуналов по делам военных преступлений, преступлений против мира и человечества, которыми изобилует век XX и которые, очевидно, уже готовит XXI век.

Время рассудило апологетов и хулителей ЧСК. Будущее показало, что с годами достижения и наработки ЧСК не только сохранили свою значимость, но и стали очень актуальны. Получилось так, что «перед Чрезвычайной следственной комиссией стоял тот же вопрос, который через 29 лет, после окончания мировой войны встал перед четырьмя великими державами, – совершенно точно определил М. В. Вишняк, – отпустить преступника на том основании, что в законе не было предусмотрено преступное деяние и кара за него, или подвергнуть преступника заслуженному наказанию, несмотря на формальный пробел и упущение в законе?» [8, с. 294]. И в том, и в другом случае вошли в противоречие две бесспорных для правоведа истины. Первая заключается в том, нет преступления, нет наказания без того, чтобы они заранее не были оговорены в законе или обычае. Вторая – в том, что безнаказанность преступления опрокидывает любой правопорядок. В последнем случае общественное сознание, не увидев свершившегося правосудия, будет искать справедливость другим, скорее всего, неправовым путем. При создании Нюрнбергского трибунала проявились «мудрость и чувство справедливости 18 правительств, представляющих громадное большинство цивилизованных

народов», – заявил в своем вступительном слове Верховный судья Соединенных Штатов Джэксон. При этом он подчеркнул, что его несколько «не смущает отсутствие прецедентов для предстоящего судебного разбирательства» [8], в то время как в России в революционном 1917-м отсутствие юридических прецедентов не только смутило, но и явилось непреодолимым препятствием для некоторых политиков и правоведов.

В связи с этим Вишняк высказал смелое и логичное предположение. «Может быть, – размышлял он, – Нюрнбергский процесс являл собою не революционное только осуществление права, как утверждают некоторые американские юристы, а – *революцию в праве*. Во всяком случае, если юристов часто упрекают в том, что для них пусть мир пропадет, но правосудие должно совершиться, – в данном случае, в Нюрнберге 1946-го года, как и в Петрограде 1917-го, дело обстояло иначе. Отступление от формальных узаконений и процессуальных форм отнюдь не всегда является и правонарушением. Особенно во время войны и революции» [8].

ЧСК, как мы убедились, так и не совершила революцию в праве, хотя и была очень близка к этому. Обширные материалы комиссии с документальной точностью и достоверностью выявили и изобличили болевые, криминальные точки павшей империи: влияние органов власти на ход и исход выборов, образование партий «власти», создание и культивирование системы провокаторства, вмешательство в ход судебных разбирательств, инициирование и инсценировка политических процессов, заигрывание с «придворной камарильей», контроль за инакомыслящими через перлюстрацию и многое другое. Но, возможно, еще более важными в оценке итогов деятельности ЧСК является ее политико-правовой опыт. Таким образом, вопреки распространенному мнению о том, что ЧСК представляла собой юридическую фикцию и политический заказ, можно утверждать, что она явилась политическим и юридическим феноменом.

Список литературы

1. **Завадский, С. В.** На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) / С. В. Завадский // Архив русской революции : в 22 т. – М. : Терра, 1991. – Т. 11.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10.
3. **Муравьев, Н. К.** О работе Чрезвычайной следственной комиссии : доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов / Н. К. Муравьев // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. – 1917. – 18 июня.
4. Падение царского режима : стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в 7 т. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1924. – Т. 1.
5. **Кафафов, К. Д.** Воспоминания о внутренних делах Российской империи / К. Д. Кафафов // Вопросы истории. – 2005. – № 6.
6. **Розенталь, И. С.** Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время / И. С. Розенталь. – М. : РОССПЭН, 1996. – 272 с.
7. **Аврех, А. Я.** Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение / А. Я. Аврех // Исторические записки. – М., 1990. – Вып. 118.
8. **Вишняк, М. В.** Дань прошлому / М. В. Вишняк. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – 380 с.

Варфоломеев Юрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории государства и права,
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского

E-mail: ybartho@mail.ru

Varfolomeev Yury Vladimirovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of state and law history,
Saratov State University
named after N. G. Chernyshevsky

УДК [342.518:9](470)

Варфоломеев, Ю. В.

Итоги деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ю. В. Варфоломеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 21–26.